

Посвящаю человеку, без которого эта книга не могла бы состояться, но которого, к сожалению, со мной уже нет, -- моей бабушке.

Новейшая история для автора этих строк не есть история стран Запада после завершения Первой мировой войны. В этом тезисе содержится важное допущение: вряд ли возможно найти универсальную периодизацию всемирной истории без того, чтобы не подвергнуться упреку в каком-либо центризме. Научная объективность в гуманитарных науках заключается, наверное, не в том, чтобы не допускать субъективизма, а в том, чтобы его понимать, ограничивать или, по крайней мере, описывать. Если посмотреть на те события, которые происходили после Первой мировой войны, то их следует определить как *поиск* приемлемой модели развития Запада. В этом поиске не было существенных отличий от предыдущего периода, так называемой второй части новой истории стран Запада. Разве страны Западной Европы отказались от силового подхода? Разве США отказались от собственного изоляционизма? Разве были институционально закреплены общие подходы? А если вспомнить Лигу Наций, то можно утверждать, что не было и желания бороться за решение принципиальных вопросов на наднациональном уровне. В то время продолжала доминировать идея национального государства, которое обладало достаточной силой для решения поставленных перед ним задач. Уверенность в национальном государстве абсолютизировала многие подходы к его возможностям -- от свободного и демократического до националистического. В национал-социализме, например, особым образом переплелись средневековая традиция и модернизационный посыл развития. Скорее всего, межвоенный период -- переходное время. В этой связи его можно сравнить с поздним Средневековьем.

Результатом Второй мировой войны стали сплочение Запада, выработка единой модели развития с двумя вариантами -- американским и западноевропейским. Именно после 1945 года утвердился универсальный кодекс возможного и невозможного, приемлемого и неприемлемого, того, что характеризует современный Запад. Поэтому новейшая история стран Запада начинается для меня, как бы еретически это ни звучало, с 1945 года.

Что может изучать новейшая история стран Запада, если понимать под ней исторический процесс после 1945 года? Сегодня приходится констатировать две взаимоисключающие тенденции. Первая -- хронологический подход: подробный рассказ о событиях с минимальным комментарием. Второй -- доминирование комментария, так называемый авторский анализ, с минимальным изложением событий. Историки, выбирающие первый подход, оказываются заложниками научных принципов событийного нарратива. Они менее интересны для широкой публики. Их читают, только если речь идет об обязательной учебной литературе. Историки, пишущие в рамках второго подхода, вынуждены слушать обвинения в политологическом, социологическом или иных подходах, применение/доминирование которых само по себе воспринимается традиционной исторической наукой как некая крамола. Упоминание междисциплинарности вряд ли способно примирить оба подхода, как и предложение искать истину посередине.

Очевидно, что процесс познаваемости прошлого предельно обострился применительно к новейшей истории. Методологический разговор на эту тему давно назрел. Возьму на себя смелость высказать некоторые, возможно, полемические размышления, важные для понимания исследуемой в книге проблематики.

Любое время познаваемо. Степень познаваемости зависит главным образом от сохранившихся источников и исследовательской методологии. Источники по Средневековью не сохранились в том многообразии, какой была жизнь в ту эпоху. Следовательно, историки обладают ограниченным -- в смысле сохранности и локализации -- материалом. В этой связи, хотя об этом пишут немногие, факт и интерпретация находятся в определенном соотношении: вторая восстанавливает нехватку первого. Важное дополнение: нехватка не является временной. Интерпретация тем самым становится интеллектуальным конструктом, а по степени влияния на последующие эпохи -- и фактом действительности. Исходя из объектов исследования средневековая история -- история множества соотношений, вариантов между фактами и их интерпретациями. Конечно, это дело медиевистов размышлять об объективности вариантов. Для меня важно было заметить, что объективность познания не сильно страдает, так как часть содержит целое, и наоборот -- целое

содержит часть. Важно заметить и то, что познание имеет свои границы. Как видно, оба последних тезиса не могут претендовать на оригинальность.

Возвращаясь к новейшей истории стран Запада и применяя эти тезисы к ее познанию, получаем следующее: во-первых, при всем том многообразии источников, которым характеризуется этот период, вряд ли возможно или станет возможным до конца -- во всем многообразии и полноте -- понять прошлое; во-вторых, некоторые источники пока недоступны, засекречены. Их ограниченность -- временный процесс. По новейшей истории источники постоянно вводятся в научный оборот, включая новое средство коммуникации -- Интернет. Историк, который работает по новейшей истории стран Запада, вынужден считаться с тем, что сделанные им выводы быстро устаревают, а научная значимость проделанной работы может также быстро снижаться. Но процесс "открытия" в новейшей истории -- непрекращающийся.

Таким образом, мы подошли к тому, чтобы по-новому сформулировать поставленный вопрос: что нужно изучать новейшей истории стран Запада? Считаю, что принципиальны четыре аспекта. *Первый* -- хронология событий. Историки, практикующие хронологию на страницах учебников, подчас забывают о том, что научно составленная хронология событий -- чрезвычайно важная задача. Речь идет о научной проблемной хронологии, о разделении по странам, о том, чтобы в многообразии фактов иметь возможность получить в предельно небольшое время общий взгляд на исторический контекст. Следовательно, хронологии по новейшей истории являются самостоятельным научным текстом, выполняющим собственную гносеологическую функцию. То, что они должны представлять из себя, -- это самостоятельный и сложный разговор. *Второй* -- системный исторический анализ проблем современности. Принципиальным для меня является такой критерий анализа, как глубина. Хотелось бы напомнить мысль о том, что история способна синтезировать и систематизировать данные ряда гуманитарных наук, в первую очередь социологии и политологии, практика работы которых может выступать в качестве объекта исторического исследования. В XIX веке доминировал научно-естественный подход -- стремление сделать гуманитарные науки более объективными. Заслуга поиска в этом направлении заключалась в том, что была познана специфика гуманитарного знания в целом и исторического в частности. Затем историческая наука "поддалась" многообразию углов зрения, выразившемуся в повседневности, антропологичности и т.д. Преимуществом этого поиска стало то, что в настоящее время пишут не о единой истории, а о множестве историй. Наверно, именно сейчас назрела необходимость сделать следующий шаг -- поразмышлять над междисциплинарной системностью.

За этим скрывается еще одна методологическая проблема. Известно утверждение, что на одном виде источников нельзя написать правдивую историю. Соглашусь с этим, но сделаю несколько уточнений. Из-за имеющегося многообразия источников едва ли найдется хотя бы одно исследование по новейшей истории стран Запада, которое будет претендовать на одинаковую глубину проработанности различных видов источников. Как правило, с точки зрения проработанности в исследовании доминирует определенный вид. Архивный источник имеет некую сакральную привлекательность, так как доступ к нему был ограничен или осуществляется впервые. Архивный источник особенно важен для первых десятилетий истории новейшего времени стран Запада. На более поздних этапах, по моему мнению, приоритет вначале должен быть отдан "открытым" источникам, чтобы впоследствии можно было осознать истинную историческую ценность архивных материалов. Проблема выбора источников важна в той мере, в какой исследователь понимает, какие аспекты будут его интересовать. *Часть* может помочь понять *систему*. Необходимо отметить, что системность и научная глубина объяснения будут достигнуты лишь в том случае, если проблема будет изучена под различным -- междисциплинарным -- углом зрения с доминированием того или иного вида источников. Под междисциплинарностью понимается способность историка и истории как науки к синтезу. Практическая значимость такого синтеза заключена в максимально объективном понимании времени.

Эти вводные размышления были необходимы среди прочего и для того, чтобы обратить внимание читателя на то, что и как будет проанализировано в книге. "Проект Аденауэра" -- название более чем условное. По сути, под проектом понимается европейская концепция федерального канцлера, его стремление сделать Германию страной, способной существовать без войны. Упоминание концепции уже может быть расценено коллегами в качестве чего-то необычного, так как большинство специалистов сходятся во мнении, что был европейский настрой и убеждения, но системы представлений не было и быть не могло, так как европейский интеграционный процесс во многом -- явление хаотическое, трудно прогнозируемое, построенное на согласовании

множества точек зрения и позиций. Полагаю, что спорить со сложностью данного процесса явно не имеет смысла. Но имеет смысл обратить внимание на то, что политики, начинавшие интеграцию, не могли не иметь своего представления о том, что им предстоит сделать. На чем оно основывалось? На представлении о прошлом, собственном опыте восприятия прошлого -- позитивном или негативном.

После окончания Второй мировой войны любая концепция не могла не иметь отношение к традиции; доминанты развития вновь стали актуальными. Для большинства политиков в Европе столь же актуальным стал европейский контекст и идея общности судеб, желание и необходимость не допустить новой войны. Конечно, европеизм не был чем-то новым в политическом сознании элиты, но в переходный период, который, по моему мнению, завершился в 1945 году, в идейном котле присутствовали многие равноценные идеологические системы. Лишь последняя мировая война, стоившая столь огромного количества жертв и принесяшая такие разрушения, способствовала отбору того, что могло стать действительно ценным с точки зрения будущего развития, гарантии европейского фантома -- прогресса.

Период после 1945 года для стран Запада -- период начала *их* новейшей истории. Потому все, что было до 1945 года, применительно к европеистским планам и программам вполне можно оценить как подготовку последующего интеграционного рывка. До 1945 года можно было декларировать приверженность европейским ценностям, но не задумываться над их претворением. В тот период системы взглядов применительно к Европе, по всей видимости, не было. То, что началось после 1945 года, можно описать как соединение многих ручейков в единую и мощную европеистскую реку. Для Германии этот процесс начался еще раньше -- в Движении Сопротивления, когда стало ясно, что поражение неизбежно. Западные союзники, и в первую очередь Соединенные Штаты, сделали все, чтобы оккупационная политика как можно быстрее сменилась бы европейской политикой.

Возвращаясь к проблеме наличия у первого федерального канцлера европейской концепции, можно заметить, что даже при первичном знакомстве с материалом у меня не возникло сомнений: система взглядов присутствует. Что было интересно -- так это ответить на вопросы: насколько и как эта система изменялась, почему в европейском контексте постоянно анализировалась проблематика внутривнутриполитического реформирования?

Оказалось, что доминирующее признание общеевропейского настроя Аденауэра и скептицизм относительно дополнительного изучения известных и схожих, на первый взгляд, источников, например речей, сыграл с исследователями злую шутку, так как европейская концепция первого федерального канцлера активно эволюционировала. Аденауэр в течение всей жизни размышлял над перспективой реализации интеграционного проекта. В этой связи возникла и другая исследовательская задача: отделить систему взглядов Аденауэра от позиций, которые имели место быть в Христианско-демократическом союзе (ХДС). Автор с интересом слушал от архивных работников, коллег в Германии утверждения о том, что европейской политики ХДС до 1950 года не было. Постоянно приходилось читать, что ХДС -- партия Аденауэра. Здравый смысл заставлял сомневаться: а разве может быть реальностью полное подчинение партии одному человеку в демократическом государстве? Тогда эта партия не имела бы шансов, как говорил Аденауэр, увеличивать свое представительство в парламенте три раза подряд. Ситуация мне представлялась и представляется более сложной. Подчеркну, что тема ХДС, европейской политики этой партии -- отдельная. Попытка ее объективного рассмотрения вряд ли возможна без исследования взглядов Аденауэра, его европейской концепции, так как до сих пор отсутствует основа для сопоставления и сравнения в направлении "европейская политика ХДС -- европейская концепция Аденауэра".

Кстати, именно этим обусловлено незлоупотребление автора книги архивными материалами. Это никоим образом не оправдание практически полного отсутствия в этой книге архивных материалов; это также не свидетельствует об их незнании. Для реализации цели книги нужно было выстроить однородный источниковый массив. О фигуре Аденауэра написано много, также много опубликовано и источников, текстов его выступлений. Известны и мемуары самого канцлера. В этой связи среди прочего важно было показать, *что* дополнительно могут дать уже известные исторические источники. Ведь политик в то время не мог выстраивать европейскую концепцию, не предъявляя ее коллегам по политическому ремеслу и общественности.

Книге можно дать подзаголовок "идея в контексте времени". Он призван, с одной стороны, подчеркнуть, что в основе любой реформаторской деятельности лежат идея, система идей,

мировоззрение; с другой -- талантливый политик может надеется на успех только при условии, если понимает и использует временные процессы. Удача Аденауэра состояла, на мой взгляд, именно в этом: его убеждения стали актуальными, его опыт помог ему их реализовывать.

Поэтому не удалось ограничиться только историей идей без изучения временного контекста, того, что влияло на эти идеи. В книге присутствует баланс между описанием времени и идей, этим временем рожденных, а иногда -- этого также не удалось избежать -- тактическими мероприятиями по реализации предложенного, проведенными первым канцлером Германии Конрадом Аденауэром.

Книга могла получить и еще один подзаголовок "Европеизация Германии". Правда, в более провокационном исполнении он звучал бы как "Новая Германия в Европе". Ведь Аденауэр не только предпринял попытку возрождения государственности с последующим отложенным объединением, но сделал все, чтобы демократия в Германии стала более прочной, чтобы так называемое прусское начало в немецкой истории навсегда ушло из нее. Смотреть на новизну этой Германии, как в политическом, так и в экономическом плане, полагаю, означает увидеть сущностный характер происходившего. Европеизация -- не только процесс превращения Германии в европейскую страну. Она и до этого была ей. Это скорее развитие Германией того понимания европейского, которое смогло выстоять в результате мировых войн. Это соучастие Западной Германии в управлении Европой; это способность пройти путь внутренних изменений.

По сути, в работе представлена история европейского взгляда одного человека в контексте времени. Многие из того, что развивал Аденауэр, было рождено не им. Антисоветизм в европейской концепции канцлера, к примеру, обуславливался как состоянием сформированности немецкой нации, наличием лагерей в холодной войне, так и наследием национал-социализма.

Хронологические рамки работы, полагаю, вполне понятны, они охватывают время политической деятельности Аденауэра. Изложение европейской интеграции ограничено годом его ухода в отставку, так как непосредственно влиять на ее дальнейшее проведение он уже не мог. Что касается европейской концепции, то она рассматривалась до 1967 года, до последнего выступления Конрада Аденауэра на эту тему. Многие сюжеты, такие как дискуссии по Европе в ХДС, в частности спор с Эрхардом и т.д. -- остались в этот раз вне поля зрения. Пока и междисциплинарность, о которой писалось выше, к сожалению, не стала приоритетной.

В ходе исследования обнаружилось, что понимание в историографии европейской политики следует скорректировать.

Почему все же слово "проект" вынесено в название книги? Создание новой Германии, новой Европы стали для Аденауэра делом всей жизни. Это был его проект. Проект, связанный с новейшей историей Запада.

Эта книга, впрочем, как и любая другая, стала возможна благодаря помощи и поддержке многих коллег, за что хотелось бы поблагодарить их. В первую очередь адресую слова благодарности доктору политических наук И.Ф.Максимычеву, профессорам Х.-П.Шварцу и Х.Ю.Кюстерсу, а также К.-О.Скибовски.